

Мухаммат
МИРЗА

ЗВЁЗДНОЕ ПОЛЕ

Мөхәмәт
МИРЗА

ЙОЛДЫЗЛЫ БАСУ

Мирза Мухаммат Звездное поле = Йолдызлы басу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51131391

*Звёздное поле. Поэмы:
ISBN 978-529-803711-2*

Аннотация

В книгу известного поэта, лауреата Государственной премии Республики Татарстан имени Г. Тукая Мухаммата Мирзы вошли поэмы, написанные им в разные годы. В этих произведениях автор размышляет о сущности человеческой жизни, нравственных ценностях своего народа.

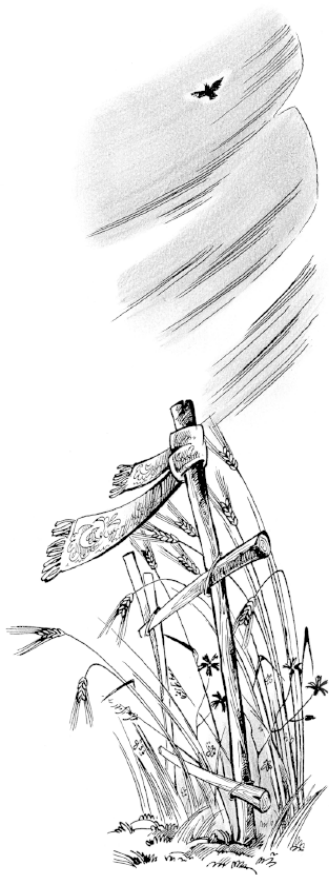
Бу китапта танылган шагыйрь, Татарстан Республикасының Г. Тукай исемендәге Дәүләт премиясе лауреаты Мөхәмәт Мирзаның төрле елларда язылган поэмалары урын алды. Элеге әсәрләрдә автор кеше гомеренең бәһәсе, тормыш-яшәешнең асылы, халыкның әхлакый кыйммәтләре хакында уйлана.

Содержание

Поэмы М. Мирзы: идейно-художественные и жанрово-стилевые искания	7
Мы росли, дедов не зная	26
Турайгыр	31
Сабантуй 1945 года	37
Заячий подарок	44
Мама	48
Не предавайся печали	48
Вспоминая войну	53
Луна души собирает...	54
Вновь задумалась Мама	55
Соколом удалым был твой отец	56
Благословение моей Мамы сыну брата своего	58
отца Такью-абый	
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мухаммат Мирза Звёздное поле. Поэмы

*Светлой памяти дорогих родителей –
Мусавары Нурлыгаяновны и Мирзамухаммата*

Шамсемухамматовича Ибрагимовых

Поэмы М. Мирзы: идейно-художественные и жанрово-стилевые искания

Общественно-политические перемены, произошедшие в конце прошлого века, оказали сильное влияние на татарскую поэзию, которая к тому времени сформировалась как своеобразная идеологическая арена. Поэзия начинает поиски иных философско-нравственных, эстетических, общественно-политических ценностей и способов, приёмов их изображения. Для современной татарской поэзии характерно многообразие поэтических течений: наряду с реалистической, романтической тенденциями значительное место в ней занимают лирические и лиро-эпические произведения модернистской ориентации, а в целом ряде произведений обнаруживаются элементы постмодернистской поэтики. Зачастую в творчестве современных поэтов синтезируются художественные приёмы, характерные для разных течений. Это, по мнению учёных, одна из особенностей переходных эпох, в которые активизируются тенденции жанрового и стилистического синтеза¹. Жанровая парадигма в татарской поэ-

¹ Юсупова Н. М., Ибрагимов М. И. Современная татарская поэзия / Н. М. Юсупова, М. И. Ибрагимов // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.). – Барнаул : «Си-Пресс», 2012. – С. 118.

зии характеризуется масштабностью поэтических экспериментов. Обновленческие процессы касаются и жанра поэмы.

В содержательном аспекте поэмы обогащаются романтико-публицистическим пафосом, философскими раздумьями, поэма становится источником для универсальных обобщений: раскрываются отношения поэта и Вселенной, где переплетаются реалистические, романтические, мифологические традиции и религиозно-философские мотивы. Одной из основных философских тем становится тема поиска смысла жизни и существования человека во Вселенной, которая связана с вопросом о первоистоках жизни. В рамках одного произведения сосуществуют реалистические, романтические, мифологические, модернистские подходы, авторы стремятся к объединению различных оценок. В поэтическом аспекте этому способствуют такие средства, как условная игра, интертекстуальность, когда в самом литературном тексте возникает ассоциация с другим текстом, обращение к религиозной и мифологической символике, обогащение романтического пафоса реалистическими деталями.

Схожие художественные, поэтические эксперименты прослеживаются и в творчестве М. Мирзы – проводника основных тенденций, возникших в словесном искусстве рубежа XX–XXI веков. Значительную часть его поэтического творчества занимают поэмы. В своих поэмах он порождает своеобразную литературную модель, с одной стороны, намечающую общечеловеческие каноны бытия и воспевающую об-

щечеловеческие, вневременные ценности, с другой – выражающую настроение своего времени, эмоциональную реакцию на различные события, общественно-политические каноны действительности. Такая модель в поэмах структурирует особый тип лирического героя, выступающего от имени «мы» как представитель своего поколения или татарского народа в целом. Именно этот лирический герой обеспечивает объединение в единое целое несколько ответвлений поэзии М. Мирзы. С одной стороны, лирический герой представляется философом, стремящимся философски понять и оценить окружающий нас мир и бытие в целом, его переживания углубляются посредством своеобразных символов, сложных метафор и своеобразной литературной формы. Философичность выступает основным лейтмотивом, стержнем его творчества в целом. С другой стороны, он выступает свободномыслящим, активным лирическим героем, стремящимся донести читателю собственную оценку общественным порядкам, действительности, в которой живёт, переменам, происходящим в нём. Данный лирический герой зачастую способствует воссозданию в поэтических текстах субъективного подтекста, обогащённого иронией и сарказмом. В третьих, в произведениях проявляется эмоциональный лирический герой, который ощущает себя частью природы или находит душевную гармонию в детстве, в родном очаге, всё это настраивает поэзию поэта на лирико-эмоциональную, временами сентиментальную волну.

В поэзии конца XX века можно выделить два вектора. Для первого характерен диалог с русской и европейской литературой, что находит отражение в экспериментировании «западных» художественно-эстетических приёмов и способов изображения, в установлении интертекстуальных связей с ними. Второй вектор, под знаком «возврата» к «первоистокам», ориентирован на возвращение к национальным художественным традициям, на обновление восточных «фундаментальных» истоков и канонов. Среди таких поэтов, обращающихся к восточным традициям при формировании новой для татарской поэзии художественной парадигмы, особое место занимает М. Мирза. Он широко использует приём интеграции восточных традиций, воспроизведения особенностей восточного мироощущения и мировосприятия: стилизация восточных жанров, возрождение восточных символов и образных афоризмов, соположение мотивов.

В поэмах возрождение восточных традиций, не ограничиваясь идейно-содержательной парадигмой, восточным мировоззрением, ярко проявляется и в образно-художественном мышлении, в приёмах и средствах воссоздания действительности, в условно-эмоциональном, субъективном содержании текстов, в жанровых модификациях и даже в стихосложении. «Диалогические субъектно-объектные отношения, отсутствие конкретизации хронотопа, риторические обращения, использование деталей, характерных для религи-

озной картины мира»², также свидетельствуют о восточных традициях в поэмах. Произведения обогащаются интертекстуальностью, поэт усложняет текст при помощи символов, обыгрывая их смыслами. Зачастую многозначность символов, являющихся ключами к различным вариантам прочтения, указывающих на различные содержательные пласты в поэмах, обеспечивающих полисемию, полифонизм в художественных текстах, становится стержнем поэтики его произведений. Тексты наполняются арабо-персидскими лексическими единицами (*жаһил* – лицемер, *шаһ* – шах, *өммәт* – приверженец, *акын* – поэт-импровизатор и певец, *касә* – чаша, *иҗстиһат* – усердие и др.), некоторые изречения поднимаются на уровень афоризма, наблюдается стилизация под восточные произведения.

В поэмах философского содержания структурообразующую функцию выполняет лирический герой-философ, который размышляет об общечеловеческих ценностях, канонах бытия, о жизни и смерти, при этом единство жизни и смерти освещается в парадигме исламских канонов. Так, в поэме «Волк» значительное место занимают нравственно-философские размышления о человеческой душе, духовной связи между людьми. Эпиграфы, взятые из песни В. Высоцкого («...Волки мы – хороша наша волчья жизнь, / Вы собаки

² Загидуллина Д. Ф. Эксперименты в области жанра: поэзия Мухаммата Мирзы / Д. Ф. Загидуллина // Татарская поэзия рубежа XX–XXI веков (1986–2015 гг.): эстетические ориентиры и художественные поиски. – Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2017. – С. 223.

– и смерть вам собачья!») и из мультфильма «Balto» («...И не волк, и не собака – просто герой»), вписываясь в авторскую позицию, определяют основной мотив произведения. При помощи такого эпиграфа в структуре текста философские размышления переплетаются с общественно-социальной и политической оценкой.

Объективный пласт повествует о том, как лирический герой убил волка, когда-то его дед тоже проявил такую смелость. Противостояние «волк / щенок» в субъективном пласте воспринимается оппозицией, обладающей символическим звучанием и синтезирующей философские, общественные и этические взгляды в единое целое. Для волка характерны такие черты, как гордость, неподкупность, несгибаемость. Щенок же характеризуется мелочностью, озлобленностью, рабским чувством: «Сильны и горделивы волки, / А ты – щенок, холуй». В структуре произведения они символически воплощают в себе качества, которые в человеческой душе формируют два противоположных полюса. Образ волка становится символом гордости, несгибаемости, духовности; образ щенка – озлобленности, безобразного, бездуховности. Столкновение этих полярных сил придаёт поэме онтологический характер. Повествуя об убийстве волка человеком, поэт утверждает, что человек сам лишает себя гордости, великодушия и несгибаемости. В то же время в оппозиции «мерцает» и иной подтекст. В общественно-социальном ракурсе волк символизирует гордых и несгибае-

мых хранителей общества, нации, щенков – людей, разрушающих человеческие судьбы, уничтожающих основы общества, национальное единство. При помощи такой интерпретации рождается своеобразный сарказм, критикующий характерную для тоталитарной системы игру людьми, основывающуюся на чувстве страха: «Лай давай, щенок! / Меня облаещь и получишь / Мослы, остатки супа...» В-третьих, через эти образы мы можем наблюдать противостояние белого и чёрного в душе каждого человека.

При этом лирический герой утверждает жизненные каноны человека как основные законы бытия: каждый должен сохранить в себе человечность, чистоту души, гордость и несгибаемость, не подчиняясь общественным канонам; для человека необходимо стремление к духовному совершенству, нравственному возрождению и самосовершенствованию. Таким образом, в поэме основным мотивом формируется мотив, характерный для восточного менталитета: стремление к духовному самосовершенствованию лирическим героем понимается как совершенствование действительности в целом.

В творчестве М. Мирзы вторую «группу» представляют поэмы, основанные на национальной идее, имеющие отношение к судьбе нации, оценивающие её прошлое, тревожащиеся за её настоящее, размышляющие о её будущем. В татарской литературе поэзия на протяжении всего XX века возглавляет процесс возрождения национальной идеи, раз-

мышления о судьбе татарского народа никогда не теряют свою актуальность и значимость. Тема судьбы татарского народа как константа поэзии XX века с конца 1980-х годов получает новый импульс, обусловленный связанными с перестройкой процессами демократизации³. В творчестве М. Мирзы поэмы, в которых основными мотивами становится судьба, трагедия татарского народа, понимаемая как утрата идентичности, занимают значительное место. В таких поэмах на передний план выходит активный, свободолюбивый лирический герой – гражданин своего народа, готовый бороться за свою нацию. Судьба нации зачастую рассматривается в историческом контексте: поэт обращается к историческому прошлому, проводит исторические параллели между прошлым и настоящим, обращение к трагическим событиям XX века становится формой поэтической рефлексии по поводу самых разных вопросов. Лирический герой утверждает, что история XX века, состоящая из постоянных войн и трагедий, не может осчастливить ни отдельного человека, ни нацию, ни народ в целом. Таким образом, прошедшая история оценивается как время утраты национальных ценностей, национальной идеи.

В связи с этим в поэмах большинство современных проблем оценивается как эхо тоталитарной эпохи. Показательны в этом плане поэмы «Мы росли, дедов не зная», «Турай-

³ Заһидуллина Д. Ф., Йосьыпова Н. М. XX ғасыр татар әдәбияты тарихы / Д. Ф. Заһидуллина, Н. М. Йосьыпова. – Казан : Казан ун-ты нәшр., 2011. – 28 б.

гирь», «Не повторится никогда», «Простое слово – смысл бытия». Например, в поэме «Мы росли, дедов не зная» через переживания лирического героя оценивается трагедия целого поколения. Перед глазами проходят связанные с общественно-политическими переменами трагедии XX века, события, оказавшие влияние на человеческие судьбы.

Сюжет поэмы описывает трагические события XX века: снос минаретов, утрата духовных и нравственных ценностей, классовая борьба, которые раскрывают этот скорбный и кровавый этап истории. Потерю целого поколения автор расценивает не только как трагедию этого поколения, но и как трагедию будущих поколений, свою идею раскрывает на примере судьбы своего дедушки. Как результат этих событий, М. Мирза описывает формирование уничижительного отношения к духовным ценностям, к проявлениям национального, к тому, что было создано потом и кровью предыдущих поколений. В авторской позиции противопоставляется официальная и личная оценка: «Эра подвигов, считалось, / Лихолецем называлось. / Это было время скорби / И литья невинной крови».

Нарастание чувств и переживаний лирического героя колеблется между тревогой и горечью. Он горюет и скорбит о том, что изувечивание духовного и нравственного поколения привело к нравственному ослаблению последующих поколений: «Говорят, борьба священна, / Ну и в чём же святость эта? / Чтоб лишить меня общенья / С умершим до сро-

ка дедом? ... Оглянись на век минувший – / Почему всё так печально, / Безысходно и фатально? / Будет ли в грядущем лучше?». В результате гисьянистский по своей природе герой выступает в статусе борца за свой род и за свою нацию в целом: «Какие битвы впереди?.. / Прости меня, Аллах, прости! / Меня и весь честной народ – / К тебе иду, и он придёт!...».

Те же мотивы прослеживаются и в поэме «Турайгыр», посвящённой деду автора Нурлыгаяну – жертве репрессий. В сюжете поэмы описываются события тридцатого года, когда «советские» Газиззян, Абузар, Марфуга раскулачивали односельчан, согнали людей в колхоз, забрали их коров и лошадей. Автор утверждает, что изгнания из деревни духовно-нравственного поколения, отречение от духовных ценностей приводит к духовному обнищанию, этот мотив выражает посредством таких узнаваемых символических образов, как *ал элам* (красный флаг), *кызыл кафенлек* (красный саван), трансформируя их традиционное, идеологическое значение. Образ красного савана в тексте констатирует конец духовно-нравственного склада жизни и начало тоталитарной системы. Так поэт обращается к демифологизации советской идеологии, когда люди массово погибали в лагерях в результате тоталитарных игр.

В ходе описания трагедии, причинённой в годы репрессий его роду, родственникам, односельчанам, М. Мирза обращается к образу лошади – Турайгыра, отнятого во времена кро-

вавых событий у своих хозяев. В татарском фольклоре конь известен как самый важный атрибут юноши, символ храбрости, семантическая схема, восходящая к эпохе древних гуннов. В сказках потерявший коня юноша обречён на несчастья, в народных песнях поётся «крыло мужчины – конь», в пословицах конь уподобляется мужскому сердцу («В сердце мужчины сидит осёдланный конь»). В структуре поэмы образ коня превращается в образ, символизирующий жизнь деревни, племени, народа, мужчин, являющихся опорой страны. Кроме того, автор, не ограничиваясь традиционными значениями, превращает его в многоуровневый символ, прочитывающийся как национальная стойкость, истинная вера, так образ коня приобретает национальный колорит. Таким образом, судьба человека и нации рассматривается в историческом контексте, поэт обращается к прошлому, проводит параллели между прошлым и настоящим. «Турайгыр», наряду с описанием тридцатых годов, ориентирована на подтверждение свободы мысли, национальной стойкости в памяти отдельного человека и нации в целом, которая актуальна в любое время, в каждую эпоху.

Поэма своеобразна и в поэтическом аспекте. В начале поэмы автор использует своеобразный поэтический приём – повторение риторических вопросов с целью создания состояния неопределённости. Кроме того, в тексте авторская позиция выражается через иносказания посредством символических образов и своеобразных тропов. В поэтическом

плане он ассоциируется со стихотворением М. Джалиля «Варварство». Таким образом, трагедия села, односельчан, как результат общественно-политических событий тридцатых годов прошлого века, отождествляется с трагедией войны, которая разрушила миллионы человеческих судеб.

Образ вороны, являющийся символом тех, кто вверг в трагедию невинных людей, раскрывает субъективное содержание, дающее оценку идеологии того времени, общественно-политическим событиям, проводимым в тридцатые годы: «В траве застыл лихой Турайгыр, / Клюют вороны очи коня. / Вступает перевёрнутый мир / На новый путь, безбожем звеня».

Схожая картина прослеживается и в поэме «Не повторится никогда». Поэт не ставит целью подробное описание военных событий, на передний план выводит чувства, возникшие под влиянием военных событий. Лирический герой с горечью вспоминает: «Нам обещали то, что никогда / Не будет больше войн в стране моей, / Но, видно, вечно будет жить беда, / Коль мы сто лет не знаем мирных дней», так чувство горечи доводится до трагедии. Интертекстуальность в поэме устанавливает игровой диалог с творчеством Тукая. Образ ворона, который «чью-то кисть в гнездо несёт, готова воронятам страшный пир», ассоциируется с «чёрным вороном с бочки» Г. Тукая. С одной стороны, он символизирует тоталитарную систему, с другой стороны, в контексте прочитывается в значении войны, приводящей тысячи людей к

смерти: «Знать, долго будет ворон пировать, / Коль «красной свадьбе» не видать конца, / И долго будут вдовы вековать / И ждать невесты брачного венца».

Автор утверждает, что Родина ответственна перед каждым, отдавшим свою жизнь во имя свободы и целостности страны, перед их безутешными матерями: «...Без покаянья Родина отцов / Живёт, боясь в гордыне преломить / Колени пред могилами бойцов, / И тянется смертей бесславных нить... / О Родина! Из женских слёз глоток / Испей! И, может быть, уйдёт беда».

Критическое отношение к тоталитарной системе, к проблемам действительности с точки зрения судьбы нации, духовных ценностей и национальных традиций углубляет гражданственное содержание поэм. Вобравшая в себя вековую историю поэма «Кысыр⁴ Гариф» в этом плане звучит особенно проникновенно. Поэма, дополняющая ряды поэм, написанных на тему войны, которая в последние годы стала несколько подзабываться, пронизана гуманистическим пафосом и утверждает человеческое в человеке. Она повествует о том, что человек, находившийся в гуще событий, являющийся своего рода венцом, пройдя сквозь все невзгоды войны, пережив духовные трагедии, стремится остаться человеком.

В ориентированной на лирическое начало поэме тема войны становится ключевой к пониманию общественно-соци-

⁴ *Кысыр* – бесплодный.

альных и нравственных проблем. Риторический вопрос поэта в самом начале поэмы «Разве правы те, кто пытается обелить новых хозяев мировых богатств, полученных в результате войн, суть которых в переделе этих богатств и состоит?» намекает на актуальность темы.

Сюжет поэмы рассказывает о безнравственных поступках солдата-ветеринара Гайни, судьбе Гарифа, жизни татарской деревни в военные и послевоенные годы. В структуре текста каждое событие развивается вокруг психологически удачно воспроизведённого образа Гарифа. В то же время этот образ воспринимается и как модель, символизирующая судьбы, прошедшие через трагические события эпохи.

С другой стороны, произведение констатирует о видоизменении концепции лирического героя. М. Мирза обновляет традиции татарской поэзии послевоенных лет, «возвращает» в татарскую поэзию лирического героя, признающего трагедию войны как трагедию поколения, оценивающего её как трагическое прошлое, переживающего за разрушенные войной судьбы. Его душа болит за принесённые войной страдания, за продолжение её последствий в судьбах других поколений, он переживает горечь за всех: начиная с Гарифа, за каждого героя, за трагическую жизнь ослабленных войной и послевоенными трудностями и лишениями слабых, но одновременно духовно сильных женщин. На протяжении всей поэмы раскрывается мысль о том, что эта трагедия оставила свой след в жизни каждого человека.

В поэме продолжается своеобразная цепь поэзии послевоенных лет «судьба человека – судьба страны». По мнению автора, судьбы, разрушенные в те годы, тесно связаны с будущим страны: подчёркивается мысль, что и счастье, и несчастья Родины связаны с представителями этой страны – со счастьем или несчастьем отдельных людей. Поэтому поэма пронизана иной скорбью и печалью. Для поэта, способного видеть и понимать итоги и трагедию войны, эта скорбь превращается в тревогу за будущее страны и нации.

Эта мысль, в сильной позиции вынесенная в название поэмы, ещё раз усиливается эпитетом «кысыр», в прямом значении намекающий на судьбу Гарифа, его несчастье, в субъективном пласте прочитывается как нереализованные идеалы, надежды и мечты каждого человека в XX веке. Так М. Мирза выстраивает в одну цепь духовно-нравственные, социально-политические и философские проблемы.

В отдельных поэмах внимание поэта акцентируется на национальной культуре, воссоздаётся ощущение возврата к национальным истокам, народной культуре, народным обычаям и традициям. Об этом свидетельствуют такие поэмы, как «Сабантуй 1945 года», «Сабантуй», «Белый пароход на Белой».

Например, в поэме «Сабантуй» Сабантуй репрезентируется как СИЛА, объединяющая нацию, дающая возможность сохранять традиции, показать миру силу, нрав, единство татар. Эта идея презентована при помощи эпитафия –

слов М. Шаймиева: «...Татары – народ не аморфный, чтобы дёргать и теребить его...» В произведении «Сабантуй» утверждается, что именно Сабантуй смог вернуть народ в послевоенные годы к мирной жизни, в советскую эпоху, когда отвергались национальные ценности, помог в сохранении национальных обычаев и традиций. Поэма пробуждает в читателе национальное самосознание, национальную гордость.

В структуре поэм «Звёздный луг», «Мама», «Заячий подарок» центральным образом поэтического мира выступает отчий дом, татарская деревня, в которой вырос лирический герой. В них образы мамы, родного очага воспринимаются как самые дорогие ценности для каждого человека, память о прошлом, воспоминания о родном очаге, о матери становятся основными мотивами. На передний план выходит эмоциональный лирический герой, который утешение от тяжёлых переживаний ищет в детстве, в деревенской юности, возле матери, в данном ключе произведения воспринимаются на лирико-эмоциональной, временами сентиментальной волне.

Духовные ориентиры М. Мирза находит в прошедшем детстве, в жизненном укладе старшего поколения. Татарская деревня предстаёт в статусе хранительницы родовой и общечеловеческой памяти. Такие поэмы, как правило, не пронизываются чётким, последовательным сюжетом, а создаются в форме философско-лирических размышлений или воспоминаний лирического героя. Они заявляют о себе как глубоко-

кие раздумья о вечных и общечеловеческих ценностях.

В этом отношении поэма «Звёздное поле» проникнута особой теплотой, доминантой является светлое чувство, рождённое детскими воспоминаниями. Такие образы-детали, как звёздное небо, звездопад, запах хлеба, материнское тепло, песнь сверчков, картины родной деревни Чалманарат, воссоздают детские воспоминания, которые автор воспекает с любовью и благоговением. Для лирического героя ночь звездопада превращается в святое воспоминание, сопровождающее его по жизни; несёт в себе значение вневременных и вечных ценностей, порождающих гармонию человеческой души.

Его поэмы «Мама» и «Заячий подарок» звучат одой самоотверженным матерям, которые и в тяжёлые, трагические годы смогли воспитать духовно стойких детей. Поэма «Заячий подарок» проникнута необыкновенно светлой грустью. С одной стороны, автор описывает свою мать с любовью, с особой теплотой. Большая коса (для косьбы), плечи, тянущие ручную телегу, белый цвет – все эти образы-детали передают состояние её внутреннего мира, раскрывая суть бытия: «В горошек синий платье у неё, / И фартук развевается слегка, / Идём и тихо песенку поём, / А отчий дом зовёт издалека». С другой стороны, храбрость мальчика, порадовавшего отца «заячьим гостинцем», спасшего мать от тяжких страданий, в душе читателя рождает светлые чувства.

Наверное, для каждого поэта самое тяжёлое – это созда-

ние произведения, посвящённого своей матери. Поэма М. Мирзы «Мама» начинается строками «Прости мне, Мама: ни единой песни / Не написал я в жизни о тебе, / Хоть ты была всех лучше и чудесней, / Святей всего была в моей судьбе. / Когда из слов я лестницу воздвигну, / К тебе по ней, родная, восходя, / Твоё величье, может, и постигну, / Но, грешный, не унижу ль его я?» В этих строках, созданных из невидимых и неразрывных нитей между матерью и ребёнком, с нанизанными на них словами-бусинами, чётко определяется отношение поэта к матери – она для него идеал святости, благодетельности, отваги, жизненных ценностей, она – священное величие! На протяжении всей поэмы поэт ищет источник этих ценностей и находит их в Материнстве: «Светло твоё святое посещение. / И ключевой воды сладка струя». Женщина, испытавшая счастье Материнства, жизнь рассматривает в другом измерении, оценивает её иными ценностями, смотрит на бытие другими глазами! «Ах, дети, лишь о вас моё моленье! / ... Я материнское благословенье / Вам посылаю, дочь и сыновья...» Эта идея пронизывает всю структуру произведения.

Таким образом, поэмы М. Мирзы подтверждают в современном литературном процессе продолжение восточных традиций, их развитие, смысловое обогащение или трансформацию, и говорят о том, что поэзия не потеряла национальные традиции и ценности. Стержнем поэтики поэм М. Мирзы становятся восточные традиции. Использование по-

слов и поговорок, медитативность, философичность, построение стихотворных строк в духе национальных традиций, обращение к тонкой, по-восточному характерной иронии, намёкам, доведение отдельных высказываний до уровня афоризма, стилизация под восточные жанры – всё характеризует оригинальность поэтики его произведений. Мастерство поэта связано и с его умелым использованием слов-изречений, с созданием совершенно неожиданных ассоциаций путём обогащения образов неожиданными смысловыми вариациями. Такая форма достойна высокой оценки в качестве его своеобразной находки.

*Нурфия Юсупова,
кандидат филологических наук*

Мы росли, дедов не зная

*Ради священной борьбы и великих свершений
Было необходимо рождение моё.*

Х. Такташ

1

Сколько поколений внуков
Выросло, дедов не зная,
Детства радостей не зная,
Билось в кровь за урожаи.

Что за мощь на нас напала,
Что за мстительная сила?
Миллион сирот осталось
И бесщётные могилы.

Эра подвигов, считалось,
Лихолетьем называлось.
Это было время скорби
И литья невинной крови.

Непростые были годы,
Шли в штыки аул и город.
От домов – лишь кучи праха,
Души высушены страхом.

Говорят, борьба священна,
Ну и в чём же святость эта?
Чтоб лишить меня общенья
С умершим до срока дедом?

«Полюбуйся» Агиделью –
Стоки сельских мест отхожих,
Ив плакучие кудели
Стали на колтун похожи.

Посмотри, бредёт понуро
В борозде худая кляча.
А ведь это твой каурый –
Победитель многих скачек.

Оглянись на век минувший –
Почему всё так печально,
Безысходно и фатально?
Будет ли в грядущем лучше?

Мой дед – мужчина средних лет –
Имел хозяйство, два коня.
Красавица – его жена –
Каких не видел белый свет.

Умельцем редкостным он был,
Кривить душою не любил,
Любил без памяти жену,
И лишь её, её одну.

Призы на Сабантуях брал
Атлет, батыр бессменный – дед.
Рушник расшитый и баран
Венчали череду побед.

В работе круглый год он был,
С весны до осени – в полях,
Зимой на срубы лес валил,
С утра до ночи весь в делах.

Амбары до краёв набьёт
И сыто зиму проведёт;
Трудился праведно народ,
Не ведал голода весь год.

3

Когда, кто проклял, где?
Кто ниспослал беду?
Резня, война идёт,
Пожары, как в аду.

И белые прошли,
И красны знамёна;
Итог – разруха на
Одной шестой Земли.

То засуха, то на-
воднение, потоп...
Кто это всё наслал,
И главное – за что?

4

Мой дед, как пехлеван⁵, силён,
Но разорили и его,

⁵ Пехлеван – богатырь.

Оставили без ничего.
Такому я не удивлён.

В Сибирь, в тайгу отцов ссылали,
А сироты в полях пахали.
Без объяснений отбирали
Зерно, и люди голодали.

Свергали с радостью зачем-то
И минареты у мечетей,
И маковки с крестом церквей,
Забыв преемственность кровей.

Жестокая была борьба,
С вершушкой билась голытьба,
За жизнь боролись что есть силы,
Итог – сироты да могилы.

Стал белый свет похож на ад,
Забыта вера, Иблис рад,
Растут безбожников ряды...
Как ужаснулись бы деды!

Какие битвы впереди?
Прости меня, Аллах, прости!
Меня и весь честной народ –
К тебе иду, и он придёт!..

Турайгыр

*Светлой памяти моего
деда Нурлыгаяна –
жертвы репрессий*

1

Тридцатый год. Июнь у двора.
Звонит набат над центром села.
Настала сенокоса пора.
А тут собрание, – ну и дела!

На площадь, где мечеть и Совет,
Народ спешит, как войско на сбор.
На острых косах блещет рассвет,
Из вил и грабель частый забор.

В колонны встали сотни подвод.
В глазах людей тревожный вопрос:
«Зачем опять собрали народ
На митинг? Эх, пропал сенокос!»

И так всё время в пору работ
Людей морочит сельский актив,

Как будто нет важнее забот,
Чем языком хлестать коллектив.

Поддужный звон заполнил майдан,
Всё громче ропот, сердится сход:
«Какой указ сейчас будет дан?
Вновь на врагов объявят поход?»

Ребятки перед входом в Совет
Стоят, как перед схваткой в куреш⁶,
Кричат: «Спокойно!» людям в ответ,
И тут открылись двери, как брешь.

«Товарищи! – хлестнуло майдан, –
Приехал к нам товарищ Малов!» –
Срывает голос свой Газиззян,
Вожак у комсомольцев-орлов.

Малов у нас уже побывал
(Разливом Шабезсу занесло),
Недаром помнят все: стар и мал,
Как разорил он наше село.

Забрали всё: коров, лошадей,
Телеги, сани, землю, зерно.
В один колхоз согнали людей,
Крестьян-трудяг пустили на дно.

⁶ *Куреш* – национальная борьба.

Всех, кто покрепче, – на Соловки...
В избе Мингаза сел комсомол,
Ячейка здесь теперь, мужики...
«Сельпролетарцы» – новый помол.

В активе – Абузар, Марфуга,
А секретарь у них – Газиззян.
Шумит ячейка, словно пурга, –
Побольше б раскулачить селян!

У коновязи ржёт жеребец,
Малов на нём в деревню примчал,
Намотан недоуздка конец
На почерневший конский причал.

«Смотрите! Это сам Турайгыр!
Конь Мингаз-бая дом узнаёт!»
И ржаньем лошадиный батыр
Хозяина тоскливо зовёт.

Но дом не свой: он умер давно,
И флаг, как красный саван, на нём.
Знать, Турайгыру вновь суждено
Служить чужому ночью и днём.

И тут заголосил Газиззян:
«То-ва-ри-щи-и-и!!!» Застыло село...
Но был у недоуздка изъян,
Он лопнул, и коня понесло!

Скакал он по деревне отцов,
По милой, по родной стороне,
А следом – ржанье ста жеребцов
Неслось, как в родовом табуне.

Взлетел он птицей под облака,
Перескочил подводы легко,
Помчал любимый конь кулака,
Но улететь не смог далеко.

Взрезая воздух, пули свистят,
Двойной удар несут удальцу,
В момент полжизни конской скостят
За то, что не привязан к крыльцу.

Толчок, – и содрогнулась земля,
Ещё толчок, – и мир помертвел,
Взметнулись, завертели поля,
И конь, споткнувшись, тихо осел.

А на крыльце судили муллу
И муэдзина всем напоказ,
На них безбожно лили хулу
(Таков «отца народов» наказ).

Тут первой говорит Марфуга,
Наган свой поправляя рывком:
«Десятка – малый срок для врага,
Об этом мы доложим в райком,

Давно пора свалить минарет,
Позорит он наш красный Курмаш,
Всем видом унижая Совет,
И полумесяц – символ не наш!

Мы все хотим по-новому жить!
Но, чтоб гордилась нами страна,
Религию пора подрубить:
Она, как пережиток, вредна!»

Взял слово активист Абузар:
«Согласен!» – рявкнул, как отрубил.
А Газиззян продолжил базар, –
Митинговать он очень любил.

Доволен всем товарищ Малов,
Его в пример поставит райцентр:
Муллу забрали без лишних слов,
Подняв по атеизму процент.

К мечети мчит лихой комсомол.
Топор, аркан – и пал минарет,
И вот на крыше голой, как стол,
Дыры печать, – исполнен декрет.

Не прячет слёзы старый мулла,
В крестьянских глотках каменный ком,
Важнее всех покосов дела,
Которые спускает райком.

В траве застыл лихой Турайгыр,
Клюют вороны очи коня.
Вступает перевёрнутый мир
На новый путь, безбожьем звеня.

А Шабезсу опять разлилась...

Сабантуй 1945 года

1

У нас Сабантуй был всегда,
Но звался он раньше «джиен».
Не тянется вечно страда,
Ей праздник приходит взамен.

В село собиралась родня
Из ближних и дальних округ,
И радостней этого дня,
Наверно, не вспомнится, друг!

Везде: в Ямалы, в Суыксу
Майдан расцветал каждый год,
Не прятал нарядов красу
В тот день деревенский народ.

За тысячи вёрст земляки
Съезжались в родное село.
Пусть были пути нележки,
Домой, как на крыльях, несло.

Краюха с парным молоком

Им грезилась в дальней ночи.
Что пять километров пешком,
Коль радостно сердце стучит?

2

Не скроешь в деревне никак:
Кто был на джиене, кто нет,
Быть может, всё это пустяк,
Но будет судить целый свет.

«Что, денежек сын пожалел,
Иль ты пригласить позабыл?
Боишься, чтоб он не объел,
Иль дом ему отчий не мил?

К тебе не приехала дочь?
Забыла своих стариков?», –
Село посудачить не прочь:
Язык без костей и оков.

Всё верно. Недаром народ
Придумал когда-то джиен,
Чтоб люди, хотя бы раз в год,
Касались отеческих стен.

С младенчества мы узнаём,
Что скромность лишь красит людей,
И что доброту отдаём
Затем, чтобы встретиться с ней.

Приезжий ходил по гостям,
О славных делах говорил,
Все рады хорошим вестям,
Рассказам о том, где он был.

Гость сам больше слушал у нас
О горьких сиротских годах,
О супе пустом в трудный час, –
Учтивость ценилась всегда.

3

Джиен – после страшной войны,
Джиен – для недавних бойцов,
Джиен – на руинах страны
Для наших увечных отцов!

С гармошкой ослепший Ханиф,
И пляшет безногий Мирза;
Гаяз, доску в стремя забив,
Летит на коне, как гроза.

Пусть рук нет и ног, но у них
За спинами крылья взвились,
Забилась в сердцах молодых
Их бурная гордая жизнь.

Пусть праздник как праздник, но он –
Не просто полёты с конём,
Есть вечный и твёрдый закон –
Джигиты рождаются в нём.

Пред сверстниками и роднёй
Не должен солдат сплеховать,
Пусть тело в увечьях, душой –
Ребята героям под стать.

Забавой джиен не зовут.
В единственный день за весь год
Узришь ты народную суть,
Узнаешь, чем дышит народ.

4

Калитка из дома на луг,
На ней, как бескрылый птенец,
Одна коротает досуг

Девчушка, курносый малец.

Гусята-пушки за плетнём,
Над ними хлопочет гусак, –
Невесело праздничным днём
Глядит сирота на большак.

Глядит неотрывно она
За шаткий мосток над рекой:
Там куст или кочка видна?
Нет, движется... Кто ж там такой?

Кого горизонт проявил,
Кого раскачал вдалеке,
Кто пыль над дорогою взвил,
Кто катит домой налегке?

Качается он оттого,
Что раненый иль занемог?
«Эх, если б в отца моего
Сейчас обернуться он смог!

Ну где же ты, папочка мой?
Вернись хоть без ног, хоть без рук.
Я буду гордиться тобой, –
Ну сколько же можно разлук?

Калитка открыта всегда,
Мне нечего прятать за ней,

В избе только я и беда,
И ветер сквозит из сеней».

Истлела калитка давно,
В асфальте большак и мосток,
Но помнить мне век суждено
Войной опалённый росток.

Хоть на день, но в Чалманарат
Лечу на джиен каждый год,
И счастье моё во сто крат
Растёт, уходя от невзгод.

Здесь нет неродных – все свои,
Здесь каждый пригорочек свой,
Здесь жаворонки, соловьи,
Ручьи здесь с водою живой!

5

Ты праздник народа, джиен!
В истории нет пустяков,
Пусть сотня пройдёт перемен –
Ты суть наша в толще веков.

А жаворонки всё поют,

И в мареве вновь силуэт
Идёт то ли в память мою,
То ль жаркому солнцу вослед...

Заячий подарок

1

Всю жизнь храню я в памяти своей
Одну частичку детства моего,
Пусть пролетело много тысяч дней,
Она лишь стала ближе оттого.

Как будто мама как-то в летний зной,
Переступая борозды с трудом,
Несёт косу стальную за спиной,
Везёт коляску с младшим братом в дом.

Ох, как коса метровая тяжка,
Цепляется она за облака,
Ох, как дорога к дому далека,
И как устала мамина рука.

Надёжно ухватившись за подол,
Спешу, не отставая ни на пядь,
А за спиной звенит зелёный дол,
Куда вернёмся завтра мы опять.

Не зря пропела острая коса,

В работе этой мама знает толк,
Звенела сталь, пока была роса,
И вот блестит в буртах зелёный шёлк.

В горошек синий платье у неё,
И фартук развевается слегка,
Идём и тихо песенку поём,
А отчий дом зовёт издалека.

В коляске детской – сладкие стручки –
Гостинец для безногого отца,
Всего в две детских пригоршни пучки
Таятся под пелёнками мальчика.

Щавель для папы рвал я по весне,
А летом мчал за ягодой лесной.
«Гостинец сын принёс от зайца мне!» –
Лучился счастьем папа мой родной.

2

И тут, откуда ни возьмись, – Марва!
Из активисток сельских – сущий зверь,
От страха мама стала чуть жива:
«Нет ничего! Пустые мы, поверь!»

– А где котомка? Ну-ка, покажи!
Вчера вы с поля тоже унесли чего-то.
Быстро правду мне скажи! –
С коляски сполз полог и лёг в пыли.

И тут я бросил матушкин подол,
Схватил коляску, задал стрекача,
Промчал над пашней, дальше через дол
Рванул, как будто пятки жжёт свеча.

Что мне чертополох, осот, стерня!
Пускай крапива хлещет по щекам!
Откуда взялись силы у меня?
Коляску мчал, как щепку по волнам.

Калитку нашу ветер отворил,
Я, обогнав его, во двор вбежал.
И тут Рашит в коляске завопил,
А до того смирнѣхонько лежал.

Отец надеть протезы не успел,
К нам на коленях устремился он,
«Орлы мои!» – и в небо я взлетел,
А следом брат... Ужель всё это сон?

Мы были рождены вслед за войной.
Мы – дети искалеченных бойцов,
Нас встретила разруха над страной,
И заменили мы в строю отцов.

Любой из нас своим путём идёт,
Но в памяти одно мы бережём:
Как мама тихо в уголке прядёт,
Как пахнет свежим хлебом отчий дом.

И оттого невольно рвётся вздох,
Как вспомню свист косы над полосой
И как спасал я сахарный горох –
Отцу гостинец, что послал косой.

Мама

*Светлой памяти
дорогой Матери – Мусавары
Нурлыгаяновны Ибрагимовой*

*Прости мне, Мама: ни единой песни
Не написал я в жизни о тебе,
Хоть ты была всех лучше и чудесней,
Святей всего была в моей судьбе.
Когда из слов я лестницу воздвигну,
К тебе по ней, родная, восходя,
Твоё величье, может, и постигну,
Но, грешный, не унижу ль его я?*

Не предавайся печали

Не предавайся грусти и печали,
Внимая скрипам старых тёмных лип.
Ах, волосы твои седыми стали,
И скорбным стал твой светлый, чистый лик!

Одиннадцать детей, любя, вскормила,
Поставила на сильные крыла,
Но одного уже взяла могила –

О, сколько горьких слёз ты пролила!

И неустанно ты молила небо,
Чтоб милым, славным детям всем твоим
Счастливым выпал в этой жизни жребий,
Чтоб каждый был своей звездой храним.

Но, Боже, Боже, сколько волновалась
И сколько тайных пролила ты слёз
Из-за проказ детей...

Какая жалость,
Что я тебе всех больше бед принёс!

Ах, почему теперь печальней стали
Твои глаза?

И взгляд твой грусть таит?
Не предавайся, милая, печали –
Так не к лицу тебе печальный вид!

...Ты молча, тихо мне в глаза смотрела.

И я увидел –
на твоих губах
Как бы улыбка так несмело
Струится...
И опять печаль в глазах.

Вот облака осенние поплыли
По сумрачному небу тяжело.
И за ночь ещё больше изобразили

Морщины твоё чистое чело.

Ко мне ты тихо руки протянула,
Коснулась моего лица слегка.
Ах, как от рук волнующе пахнуло
Вновь запахом парного молока!

Хочу прижать к лицу я руки эти
И плакать, Мама милая моя.
Но нет, родная, ни за что на свете
Не предадимся грусти – ты и я:

Нам нынче светлый праздник уготован –
День, день рожденья дочери твоей.
Ах, Мама, дай свои мне руки снова:
Сочтём твоих – по пальцам – сыновей.

Большой твой палец – старший сын...
Лаская,
И пестуя, и нежа так его,
Была сама ты юная такая,
Вертясь в жилище, как веретено.

А палец указательный твой – мальчик,
Хоть дочку ждали домочадцы все.
Ты нежно называла его «зайчик».
Как он взрастал, цветя, во всей красе!

И средний палец – сын. А вы с надеждой

Так ожидали девочку опять!
Росли в семье три сына. Но, как прежде,
Вы девочку не уставали ждать.

И палец безымянный –
упованье
Твоё на дочь. В мечтах цвела она.
Но вновь родился мальчик – весь сиянье,
Как в небе полноликая луна.

Да, с четырёх сторон четыре сына.
Нужны четыре языка, о Мать! –
Четыре песни, ярких и красивых,
Чтоб свет души твоей им передать.

Мизинец малый...
Середина лета.
В ночи луны горящей торжество.
И в час томительный перед рассветом
Родилась дочь – святое существо.

И слёзы на глаза твои наплыли –
Ведь этот миг ты тридцать лет ждала.
Лучи рассвета землю освятили,
И ты младенцу грудь свою дала.

Тебе Господь воздал всё ж –
за уменье
Без ропота, покорно, кротко ждать.

Хотя и рок твоё долготерпенье
Не раз, не раз пытался испытать.

А в жизни сей тебя, о Мать, встречали
Война, сиротство, боль глухих обид.
Не предавайся, милая, печали! –
Так не к лицу тебе печальный вид.

Вспоминая войну

Была война. Мела метель широко,
Трещал мороз – аж стыла в жилах кровь.
Село осталось без мужчин до срока,
И что ни дом в селе – то вдовый кров.

И детвора голодная ходила
Из дома в дом, прося углей...

Взгляни

На этих бесенят.

Ты разве в силах

Сказать, что безотцовщина они?!

Всю зиму окна холодели, стыли,
И сельский люд теснился по печам,
Выделывая шкуры, шили, шили
Одежду – всё для фронта – по ночам.

Во мгле селенье волки окружали
И рвали живность. Разве передать,
Как волки «свадьбу красную» играли?!
О том потомкам надо рассказать!

Луна души собирает...

Луна, мерцая, души собирает.
Её глаза теперь мутны слегка.
Она – мала. Она напоминает
Так узелок, свалившийся с воза.

Её лучи, дрожащие, как нити,
Переплелись между собой во мгле.
Ах, Мама, после роковых событий
Вновь узнаёшь ли сына на земле?

Нить, что твоею скручена рукою,
Как путь до самых дальних звёзд, длинна,
Мы все туда уйдём, ища покоя,
И души наши соберёт Луна.

Вновь задумалась Мама

Ты, Мама, вновь задумалась глубоко
О времени ль, когда чиста, юна,
Цвела ты, длиннокоса, синеока,
В накосниках сидела у окна?

Касим-бабай сказал тебе, вручая
Для сына люльку: «Да растёт твой сын!»...
Срок обрезанья... Деточка родная,
Из сыновей не плакал ты один.

– Пух тополей завеял палисадник...
А в день, как первый день кружил в окне,
Приехал к нам отец твой – светлый всадник...
И он теперь далече – на Луне.
– Мама?!

Соколом удалым был твой отец

– Отец твой, сын, был соколом удалым.

В свой срок война закончилась –

и вот

В село вернулся, где коней не стало,

Но стало много так калек, сирот.

Отец твой, сын, – тебе об этом знать бы! –

Других сельчан задорней, веселей,

Плясал, безногий, удивляя свадьбы,

Протезами стуча, без костылей.

Ах, в нём жила, жила душа солдата!

И если становилось вдруг невмочь –

Душа была вольна, была крылата –

И с ней, живой, всё смог он превозмочь.

Сейчас всё это стало сном далёким.

Жизнь пролетела, пронеслась стрелой.

Я удержусь ли на пути нелёгком?..

А он всё снится, снится мне, родной.

– Мама!..

Одиннадцать детей – в чужих краях.

И если кто-то очень занедужит,

Моя душа томится, так и тужит,

И ваше горе – у меня в глазах.

Пусть далеко-далёко вы уже,
Пускай один из вас теперь в могиле –
Нет, никого я позабыть не в силе:
Вы живы, живы все в моей душе.

Благословение моей Мамы сыну брата своего отца Такью-абый

Не испугавшись, что мороз – трескучий,
Из той деревни дорогой – Курмаш –
Пришёл меня проведать ты, соскучась, –
Такый, братишка милый наш.

Тебе навстречу рук не протянула
И чай на стол сама не подала.
Ресницами я только лишь взмахнула –
Мол, вот такие у меня дела.

Такый, родной! О, как меня ты понял!
В свои взяв руки тонкие мои:
– Бог милостив, – сказал и очи поднял
Ты к небу. – Свой удел мы не кляли.

– Брат, девочкой утратила отца я.
Остался он за тридевять земель,
Нас в путь житейский не благословляя,
В краю далёком, где шумит метель.

Мы были беззащитны и гонимы,
Узнали, что такое неуют.
Но твой отец – и дядя мой любимый –

Сиротам дал в дому своём приют.

Совсем подросток хрупкий – твоя мама
Была к нам милосердна и добра.
Ах, душ сиротских выжило так мало:
Как ночь, стояла чёрная пора.

Глухие разговоры, пересуды,
Что дядя приютил детей врагов.
В нём столько милосердия откуда?
Ведь на такое лишь святой готов.

Ты так похож на дядю, брат мой милый:
Ты терпелив, с неправдой не знаком.
И у тебя, о брат, хватило силы
Из Курмаша прийти ко мне пешком.

Ресница каждая заиндевила,
И медь волос до срока побелела.

К моим губам ты хладно прикоснулся
Из мест родимых влагой ключевой –
В душе моей как бы родник проснулся...
Как ты похож на дядю, братец мой!

...У нас в округе родники иссякли,
Здесь воду из бетонной пьют трубы.
Но жив родник наш, братец мой, не так ли? –
Струя в большой реке моей судьбы.

Как там Курмаш?
Как сверстники все? Живы?
Ты говоришь, скончалась Марфуга?
Ну, где её наган? Где все порывы,
Когда шла на народ, как на врага?

Скот отнимала. Минарет мечети
Разрушить приказала на селе.
И были мужики за всё в ответе,
Дожив свой век на неродной земле.

И горьких, бедных семеро сирот –
Мы оказались у чужих ворот.

Семь месяцев просила горше, глуше,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.